

ИРАН-ГАЙЫП: «ПОЭТ – НЕ ВРАЧ, ОН – БОЛЬ...»

Поэт Иран-Гайып – Иранбек Оразбаев вырос под Кызылордой, в колхозе имени Абая Сырдарьинского района, где председательствовал его отец. Как все отцы, он хотел, чтобы Иранбек сделал надежную карьеру, и сын окончил политехнический институт, стал горным инженером, начальником карьера в Яны-Кургане. Отец лежал в больнице, когда Иранбеку пришло два направления – в Высшую партийную школу Алма-Аты и на Высшие литературные курсы в Москву. Он принес их отцу: «Бог исполнил и твое желание, и мое. Как скажешь, так и поступлю». До сих пор время от времени ему снится Москва – холодная, заснеженная, манящая, и всегда в этом сне у него в кармане лежит обратный билет на самолет...

Его педагогом в Литинституте стал замечательный поэт-фронтовик Александр Межиров, напуществовавший более четверти века назад первую книгу Иранбека на русском языке: «Поэт не слишком насыщает стих злободневностью, зная, что она имеет свойство выдыхаться... Иранбек Оразбаев не проповедует, а исповедуется, его душа не меньше его таланта. В поэзии он видит постоянную помощь “добру и свету”».

В конце восьмидесятых в издательстве «Жазушы» мне довелось готовить к изданию драматическую поэму Иранбека Оразбаева «Наследник» в переводе Межирова. Помню свое восхищение и блистательным межировским переводом, и самой поэмой – её образностью, смелостью трактовки образов Чингисхана, его жены Борте, их сына Джучи. Поэма пульсировала живой жизнью, будто не десять столетий назад хан ломал хребет непокорному сыну. И сам поэт, высокий, гибкий, стремительный, в ковбойской шляпе, казался летучим всадником, перемахнувшим эти столетия, чтобы донести до нас обуревающие его страсти.

Он всегда был возмутителем спокойствия – и в родном Союзе писателей, и в Москве. Вечер поэзии Иранбека в Центральном доме литераторов, который сам по себе уже высшее отличие, был объявлен как «обсуждение стихов». Иранбек возмутился: «Почему не пишут: обсуждение стихов Евтушенко или Вознесенского?» – «Но они же мифы, легенды», – объяснил Межиров. «Может, мы у себя на родине – тоже мифы». И снял объявление. Межиров обиделся, а через несколько дней сказал ученику: «Ты прав».

В Иранбеке Оразбаеве никогда не было страха перед авторитетами – ни в литературе, ни в жизни. Он хочет донести до читателей свое понимание Абая, Коркыта, Ауэзова, Байтурсынова, отзвук «вечных последствий жизни». В новом веке, в независимом Казахстане Бельгер называл его первым поэтом страны. За него всё время было боязно – слишком безоглядно он живет. И однажды судьба подстерегла его, лишив любимого сына. В тринадцатитомнике, который выпустил поэт к своему шестидесятилетию, есть книга об этом – «Омир-наме». У Иранбека вырос младший сын – музыкант, окончивший консерваторию по классу саксофона, играющий в классическом оркестре, подаривший родителям внучку с волшебным именем Йасин.

Мне хотелось о многом расспросить Иранбека, мы давно не общались – и о давней поэме о Чингисхане, придерживается ли он мнения, что сотрясатель Вселенной – казах, и о новых творениях, и просто о том, как ему живется – лауреату таких престижных государственных и общественных наград. Но первым делом я спросила, с чем связана смена имени. Великий японский художник Хо-

кусай говорил, что, достигнув известности, надо менять имя, пусть теперь под новым тебя признает слава. Но всё оказалось и проще, и сложнее. «Я вернул имя, которое мне прокричали в ухо при рождении. Я родился 16 июня, это знак Близнецов, это парный мой ангел – ИРАН-ГАЙЫП».

Наследие Коркыта

– Каждый казах за шестьдесят начинает понимать, что он идет к возрасту Пророка, – говорит Иранбек. – А что это значит? Пророк Мухаммед в 63 года покинул этот мир. Его последователь Яссауи, перешагнув возраст Пророка, не захотел длить свои дни на земле и добровольно ушел в вырытую под землей пещеру – молиться, очищаться, умерщвлять плоть для духа. Его духовные откровения стали хикметами для верующих, а мавзолеей Кожа Ахмета Яссауи в Туркестане, воздвигнутый Аксак-Темиром, о чем у меня есть драматическая поэма во славу духа и зодчества – местом паломничества мусульман. Я не могу повторить его духовный подвиг. Да и не в моем это характере – что-либо повторять. Но мое сознание с возрастом уже иное. Вот Вы сюда шли, и я в ожидании написал стихи, зацепившись за строчку из Корана, называются «Неверующему». Подстрочный перевод будет примерно такой:

«Твоя жизнь – животные инстинкты,

Моя жизнь – духовные искания.

Твой дом – еда, питье, удовольствия,

Мой дом – возвышение чести и достоинства.

Мое сознание – строка в Коране: “Ла Аллахи ил-ла Алла...”,

Но хоть умри, я не могу сказать, что у тебя есть сознание».

– **А я как раз об этом хотела у Вас спросить. В замечательном очерке Адольфа Арцишевского «Есть ли яд, не испытый мною?» есть такое Ваше высказывание: «Иногда мне кажется, что современный интеллектual подобен Коркыту: деньги отобрали, должности заняты, не может найти работу... Лишь обратившись к Богу, Коркыт мог бы обрести почву под ногами». Вы тоже ищите эту почву?**

– Коркыт-ата жил в эпоху принятия ислама в Степи, его мятущийся тенгрианский дух противился канонам новой веры. И Творец закрыл ему Путь: куда бы он ни шел – перед ним разверзались могилы. Он прожил всего 42 года, а мы говорим – старец Коркыт, его образ таким и предстает – с бородой, согбенный. Но духом, мудростью своею он превзошел многих мудрецов, и тоска скитальца осталась в его мелодиях, в песне кобыза, который он изобрел.

– **Кобыз, действительно, имеет ни с чем не сравнимое, какое-то космическое, тянущее душу ввысь звучание. Прекрасно перевел Вашу поэму о Коркыте, опубликованную лет десять назад в «Просторе», Валерий Михайлов. За книгу «Наследие Коркыта» Вы получили Государственную премию. Во многих своих драматических поэмах Вы обращаетесь к историческим личностям...**

– Коркыт-ата из наших кызылординских мест, это вневременная личность. Потому это книга и о моей жизни. Куда бы я сегодня ни шел – мне путь закрыт. Человек с двумя высшими образованиями, я не имею работы, а за мой труд поэта мне не платят денег. Я перевожу на казахский язык русскую, мировую классику – за страничку перевода платят 500 тенге. За то, чтобы по-казахски звучало: «Я вас любил, любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...»

– **А тринадцать томов Ваших произведений? А более пятидесяти Ваших пьес, идущих во многих театрах страны?**

– Книги мне помогли издать добрые люди, о гонораре здесь речи не идет. Так же, как и об оплате в театрах. Как же писателю кормить свою семью? Полу-

чается, мы живем в стране, сделавшей нищими своих поэтов? О которой при этом во всём мире бытует мнение, что это богатая страна.

– **Говорят, стихи сегодня самый неходовой товар, они не нужны народу.**

– А этот народ кто-нибудь спросил, что ему на самом деле надо? Может быть, народ как раз хочет встреч со своими поэтами, их книг? Разве у народа спросили, когда закрывали «нерентабельные» клубы, библиотеки в аулах, с трудом возрождаемые сейчас? Когда в стране разваливались библиотечная, книготорговая, кинопрокатная сеть, не налаженные по сей день? В конце концов, развитие, поддержка национальной культуры, литературы – дело престижа государства, дело духовного здоровья общества.

– **Может быть, деятелям культуры пора тоже говорить о своих правах, отстаивать Закон о творческой личности, который бы защитил и поэтов? Закон о творческих союзах, которые являются прежде всего профессиональными организациями, а не общественными, и должны поднимать социальный статус писателя.**

– Это хорошо, хотя союзы больше ремонтами занимаются. Но здесь надо смотреть глубже, в общественно-социальные первопричины создавшегося положения. Вот вы знаете, какое общество мы создаем, что строим?

– **Капитализм строим.**

– Помните, была такая наука – «обществоведение», и там школьникам давались основы марксизма-ленинизма. Получается, согласно этой науке, мы вспять повернули, от социализма – к капитализму.

– **Но ведь марксизм себя в российской революции несколько дискредитировал?**

– Потому что по Марксу революции в России не должно было быть, её подтолкнула проигранная война. Социализм нужно строить на основе высокоразвитого капитализма. А к какому капитализму мы идем?

– **К грабительскому, когда десяти процентам населения стали принадлежать все народные, национальные богатства.**

– Заметьте, это не я сказал, это вы сказали. А как по-другому можно было за десять-пятнадцать лет первоначального накопления капитала заработать миллиардные состояния? И за кого народ свой держать при этом? Мы что – читать-считать не умеем? Когда смотришь на наших новых капиталистов, потерявших всякое представление о чести, стыде, думаешь: разве они не знают о малолетних проститутках, о беспризорных детях, о толкущихся на базаре джигитах с тележками – вот он, генофонд нации. Они выжимают из этого народа, из этой земли всё возможное, но этот народ им не нужен. И не только «Митталу», год из года безнаказанно хоронившему наших горняков, но и родным капиталистам, не обучающим своих рабочих, не платящим им достойную зарплату, не обеспечивающим людей социальной защитой. Нашим нуворишам, с их капиталами, с «родиной на вывоз», в любом Майами рай земной. Ад же в своей душе они научились глушить до поры до времени.

– **Не об этом ли Ваша поэма «Крысы тонущего корабля», которую публикует «Простор» в переводе Надежды Черновой?**

– Это остро социальная, драматическая поэма, не потому, что корабль накрывает девятый вал, а по старинному морскому поверью: девятая волна – самая грозная и смертельно опасная. И не потому, что перед капитаном встал выбор: спасти в шлюпке ограниченное число людей, и он решает спасти молодых, а сам остается на тонущем корабле. Она трагична тем, что на этом спасающемся ковчеге оказывается подлый, без чести и совести человек, который может надругаться над чужой любовью, который будет спасать свою шкуру ценой

чужих жизней, рядом с которым даже крыса, отправляющаяся со спасенными к неведомой земле и прогрызающая дно шлюпки, выглядит хоть и жалкой, но божьей тварью.

– Но зачем же Вы спасаете в шлюпке и эту крысу, и этого подлого человека?

– Чтобы показать, как в грозных обстоятельствах у человека всегда остается выбор: самому покинуть тонущий корабль или спасти тех, за кого ты в ответе. Подличать исподтишка, урывать себе кусок послаще и побольше или делить со всеми бедствия, выпавшие на общую долю. Однажды я слышал, как наш первый президент говорил в мечети: человек голым приходит в этот мир и голым из него уходит. Казалось бы, это говорил верующий человек. А на деле? Как расценивать деяния капитана, хладнокровно дающего тонуть кораблю, но спасающего свои несметные богатства? И какому богу служат стоявшие рядом с ним?

– Но Кантар нам явил Президента, который не покинул свою страну под угрозой смерти. И тем не менее им вновь недовольна оппозиция. Ваша поэзия всегда была остро оппозиционной коррупционной власти. В партиях не состоите?

– Когда оппозиция не может договориться о едином лидере, когда во главе одной партии пять председателей, то понятно, чьи интересы их волнуют прежде всего. Они же все спрыгнули с одной платформы, вышли из тех же властных структур. Потом что-то не поделили, это нормальная борьба за власть. Но я-то здесь при чём? И народ мой при чём? Не надо только до стрельбы дело доводить. Но хотя бы перед смертью были слова раскаяния, прозрения, за них спасибо. И разве можно говорить о безопасности в нашем государстве, когда пять генералов КНБ привлечены к уголовной ответственности? Когда, выступая в Генпрокуратуре, Президент говорит о том, что народ не верит полиции, судебной власти, – он говорит правду. Ведь это всенародно избранный Президент, на кого он должен опереться? Где эти новые люди Нового Казахстана – Адал азамат – которые поднимут страну?

– Иранбек, но ведь вы сами отвечаете на этот вопрос в своей поэме с таким удручающим названием. Она заканчивается гимном жизни, рождением ребенка, которого поднимает на руках главный герой – олицетворение всегда сохраняющихся в народе национальных черт – справедливости, чести, ответственности за будущую жизнь...

– Эта поэма зародилась еще в Литинституте, где я в общежитии у товарища увидел репродукцию картины «Девятый вал» Айвазовского. Вал за валом накрывали нас грозные и мутные волны – 1986 года, девяностых годов, Кантара... Но там, на попавшем в бурю корабле у Айвазовского, я видел огонек мерцающей свечи среди разверзшейся бездны. И сегодня в нашей жизни появился этот свет, появился шанс на возрождение, надо только, чтобы народ увидел его в программах «Жаңа Қазақстан» Президента Касым-Жомарта Токаева, услышал его и поддержал. В этом будущее...

Язык погибает только с народом

– В драме-реквиеме об Абае, во многих стихах Вы обращаетесь к духовному наставнику, мыслителю, автору лирических откровений, ко всему его творческому, личностному наследию... такое чувство, что поэт для Вас ежедневный собеседник, и будто нет иных авторитетов и других адресатов для вашей поэзии?

– Видимо, так оно и есть. Я действительно не пишу статей, потому что нет смысла, да и поэтическое Слово никто не слышит. А ведь у казахов Слово всегда имело сакральное, божественное значение. Это Слово дано поэту. Но поэт – не врач, он – боль. Когда соловей в городской клетке трелями заливается, думают, он поет. А он плачет.

– А казахский язык Вы, как поэт, не оплакиваете? Многие деятели культуры озабочены тем, что казахский язык гибнет. Вы сами говорите, что Абая мало читают, потому что не понимают его насыщенного языка.

– Язык не может погибнуть. Он погибнет только вместе с народом. Язык рожден этой землей, он часть её, он порождение народного духа, как же он может погибнуть? Миф о гибели языка придумали те, кто сами его забыли, кому нужно создавать комитеты, фонды, перетягивать в них деньги из бюджета. И в этом отношении я уважаю Президента, который верит в жизнестойкость родного языка, а значит, и народа. Потому не надо болтать о гибели языка, собирая на этой теме свои дивиденды, а надо поддерживать аул, где язык зарождается, школу, в которой он развивается, литературу, которая им питается. Разве можно конкурировать с другими, если у нас всё еще не хватает школ, больниц, мизерные выплаты на рождение детей, элементарного жилья нет у многодетных матерей. А как же право на жилище, гарантированное Конституцией? Да, мы учили студентов за границей по программе «Болашак», но сколько детей просто не имеют возможности учиться? Детей из аулов, где всегда были от природы талантливые, одаренные люди. А ведь мы говорим, что мы богатая страна. Для кого? Если, получив социальную поддержку, в города придут учиться дети из народа, с ними придет и казахский язык.

– А ведь эти образовательные гранты уже приходят в регионы. Но вот парадокс, о котором говорил Глава государства на Национальном курултае в Атырау: они остаются недоосвоенными, даже по нефтяным профессиям. Дети из провинции с трудом покидают родные места, а ведь производству нужны инженерные, технические кадры. Так же как с трудом идет у нас в школах изучение казахского, русского и английского языков...

– Трехязычие было неправильной постановкой вопроса. Пусть русский и английский учат те, кому он нужен – в работе, в общении. Это языки функционального значения. А казахский – язык нашей жизни. И в этом смысле пусть комитеты по защите своего языка создают другие народы, живущие в Казахстане – русские, корейцы, дунгане, немцы, уйгуры...

– Но разве они не должны выучить в первую очередь государственный казахский язык, разве это Вас не волнует?

– Казахи должны создать условия, возможности для обучения государственному языку, а проблема обучения – это не казахская проблема. Это уж как совесть вам повелит, учить его, не учить. И общая культура. Наверное, культурному образованному человеку нормально знать два языка. Ведь приезжают к нам иностранцы и выучивают казахский, и с удовольствием на нем говорят. Может, через поколение-другое это станет нормой для всех.

– Мне кажется, надо сделать так, чтобы говорить на казахском было престижно, модно для молодежи. Ведь вызывают же восхищение дикторы – не казахи, владеющие языком. Надо всеми мерами поднимать эту престижность, больше устраивать конкурсов, олимпиад для молодежи. Поощрять.

– Это надо делать всем вместе, а не только казахам. Может быть, русским, прежде всего. Я же не могу, Любаша, повелеть твоим детям, чтобы они захотели учить мой язык, чтобы они захотели читать Абая в подлиннике. А ты можешь. Но ведь ты же сама не знаешь языка, и как себя чувствуешь?

– Плохо чувствую.

– Видишь, уже хорошо. Это уже почти желание учить. Не запретами, не силой, а желанием язык станет для всех нормой. Думаю, через два-три десятка лет сегодняшняя ситуация всеми будет вспоминаться с недоумением. Ведь развитие общества подчинено своим непреложным законам. И обществоведение помогает делать прогнозы этого развития. В 1979–1981 году, когда мы учились

на Высших литературных курсах в Москве, у нас были преподаватели, которые тайком читали нам лекции об общественном развитии. Тогда уже начались деколонизация и центробежные процессы в Африке. Так вот, они прогнозировали, что такие процессы неминуемо произойдут в СССР и США. Ведь США на самом деле очень нестабильная по общественному составу страна, в которой нет цементирующей государство образующей нации. Со своими аборигенами они извещно как обошлись. Так что меня очень волнует положение в США, особенно с южными штатами. Ведь там нефть...

– Иранбек, извините, но меня как-то больше волнует положение русских Казахстана. Как к ним на самом деле относятся казахи, должны они уезжать или не должны? А если оставаться, то как же зов исторической родины? Зов языка?

– Знаешь, Любаша, я однажды был в жури айтыса, он развернулся между акынами Кызылординской и Кокчетавской областей. Я даже сказал коллегам: я не знаю, за кого болеть, ведь предки мои с Кокчетавщины, из среднего жуза, а сам я родился под Кызылордой.

– И долго Вы не могли разобраться в своих чувствах?

– Да в ходе айтыса и разобрался. Я понял, что моя родина – Кызылорда, я там костями пророс. Так и для наших русских, если они здесь родились, их родина – Казахстан, и они своей душой должны за нее болеть. И, развивая свою культуру, свой язык, уважать традиции и язык казахов. Так делается во всем мире. Я больше скажу. Я не думаю, что казахам надо собирать соотечественников по всему миру в Казахстан. Сильные нации, такие как китайцы, корейцы, японцы, не боятся рассеивания своих диаспор по миру. И уехавшие казахи несли и несут за рубеж казахский язык, культуру, знание о казахах и Казахстане.

– Кстати, казахстанцы, бывая за рубежом, всегда удивляются, как сохраняют казахи язык в Турции, в Монголии. Но Вы ведь называете народы, живущие на своей земле очень скученно, тесно. А Казахстану надо держать свои большие просторы.

– Держать надо не за счет количества, а за счет качества. Казахы всегда кочевали на больших пространствах. На этой земле всегда существовали между людьми связи, простому линейному измерению не поддающиеся. Степной узункулак никакому объяснению не поддается. Ну не могли вроде новости в домеханизированный век так быстро распространяться. А Абая в дописьменную эпоху как знали? А эпосы, дошедшие из средних веков? Нет, есть вещи в природе человеческой совершенно необъяснимые. Или объяснимые с точки зрения Иного начала. Для меня сейчас ежедневно есть Бог и есть раб Божий Абай и дух его. Я каждый день открываю стихи Абая, и каждый день они другие – в зависимости от моего настроения одно и то же стихотворение совсем другим становится. Как это объяснить?

– А как это перевести на русский?

– Поэтому Абай непереводем. Но пытаться надо. Вот я тебе газету хочу подарить «Әдебиет айданы», здесь мои переводы Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Есенина. Между прочим, стихи Шевченко посвящены девушке, которую он рисовал, и у которой, судя по всему, от него остался ребенок. Знаешь, ко мне на юбилей как-то приезжал мой друг из Киева Александр Кичинский, лауреат Государственной премии Украины. Мы с ним вместе в Литинституте учились. Как это происходит, что он совсем как я? Нам и говорить не надо. Над одним и тем же смеемся, только переглянемся, одному и тому же печалимся, гневаемся. Напиши на этой газете: «Никому никуда не надо уезжать. Надо жить и прожить настоящую земную жизнь вместе – в Казахстане!»